

СТАНИСЛАВ СИМОНЯН

КАК СТАТЬ ИСПАНСКИМ РЫБАКОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станислав Симонян

Как стать испанским рыбаком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64212793

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-98152-2

Аннотация

В своей книге «Как стать испанским рыбаком» автор описывает судьбы эмигрантов двухтысячных. Людей, уехавших в поисках лучшей жизни, сбежавших от проблем или скрывающихся от закона. Как сложилась жизнь бандитов, коммерсантов, продажных полицейских и простых обывателей, избравших новой родиной Королевство Испания. В первой части повествование идет о первых годах эмиграции автора на острове Мальта, на должности капитана парусной яхты. Путешествия, шторма, встречи с соотечественниками и особенностями адаптации. Вторая, «испанская», часть книги содержит пятнадцать рассказов о людях, судьбах или явлениях, распространенных в эмигрантской среде выходцев из стран бывшего СССР. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Мальтийский английский	4
Поп-звезда	32
О друзьях	54
О мате	58
Трактат о мальтийской любви	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Станислав Симонян

Как стать испанским рыбаком

Мальтийский английский

Каждый мечтающий уехать жить в другую страну уверен, что сначала нужно выучить... английский язык. И не важно, в какую языковую среду его занесёт нелёгкая судьба эмигранта. Английский – панацея, с ним я нигде не пропаду. Автор тоже по глупости или незнанию решил с головой броситься в этот омут несмотря на то, что за спиной была школа и университет, где он имел по английскому нетвёрдую тройку. Хотя, глупость ли...? С одной стороны, лишним не будет, с другой – была насущная необходимость. Английский язык является международным морским, а он тешил себя надеждой устроиться на работу капитаном яхты, ну или хотя бы, для начала, зарабатывать на перегонах лодок, что, в принципе, востребовано.

Наверное, нужно прекратить говорить о себе в третьем лице – слишком странно получается.

Конечно, лучше всего изучать английский на его родине, в Англии, но... там холодно, скучно, дорого и очень депрес-

сивно. Всё это я имел на своей Родине. Хотелось тепла, вина и красивых девушек под белоснежными парусами. Где ещё в Европе говорят на английском? Только на Мальте. Туда и решил направиться. Немалый опыт и диплом капитана парусной яхты был в наличии, оставалось научиться говорить. В то же время надо было как-то зарабатывать.

Не буду вдаваться в трудности изучения чужого языка на четвёртом десятке, скажу только, что жизнь заставит – и не то освоишь. Поэтому жизнь в Испании совершенно нелогично началась на Мальте.

Первые пару месяцев я исправно посещал языковую школу и пытался общаться с местными жителями для закрепления пройденного материала и скорейшего уничтожения языкового барьера. Мальтийцы между собой говорили на своём, мальтийском языке, который являлся жуткой смесью староеврейского, арабского и итальянского. Понять его, даже лингвисту, знающему все вышеупомянутые языки, не представлялось возможным. Английский же был вторым государственным, когда-то навязанным Британией, чьей колонией Мальта являлась больше полутора столетия. Приобретя независимость, Мальта не стала избавляться от культуры захватчика, а сделала английский своего рода бизнесом. Ну какой студент не захочет учиться в языковой школе в красивом месте, с сотнями дискотек и сопутствующих им удовольствий, где лето круглый год?

Скоро стало понятно, что дорогую, но малорезультатив-

ную школу проще заменить на частного преподавателя и регулярные самостоятельные занятия, тем более появилась работа.

Рынок русскоязычных яхтенных капитанов не очень широк, так или иначе, через одного-двух все друг друга знают, все пользуются специальными интернет-форумами, там же ищут работников, клиентов, делятся опытом. Вот через это «сарафанное радио» я познакомился с российским коммерсантом, который собирался купить 12-метровую парусную лодку, поставить её на Мальте и влиться в стройные ряды «яхтанутых». Правда, бросать бизнес и переезжать в другую страну он отнюдь не собирался, да и яхтенным опытом не обладал. Звали коммерсанта Сергей, и он традиционно шёл по банальному пути российского богатея: должна быть яхта, тачка и красотки. Хотя почему именно российского? Наверное, мужик любой национальности стремится к этому, чего тут плохого?

Бизнес Сергея был неразрывно связан с морем, правда, больше с Баренцевым. Он владел парой траулеров, которые ловили селёдку и треску на Ньюфаундлендской банке. Девяносто процентов улова сдавали норвежцам в Тромсё за наличные, которые тут же улетали в офшор, а остатки гордо везли в Мурманск и продавали государству, платя налоги с этой суммы. Всё законно. Все довольны. Так что Сергей не был сухопутной крысой, кое-что понимал и, главное – любил море.

Моя задача была получить лодку у продавца в Марселе и перегнать её на Мальту. Сергей прилетел во Францию, оформил все документы, вместе мы дооборудовали и подготовили яхту к переходу, и внезапно он решил идти со мной в перегон матросом, так как второй человек был необходим. Пришлось «на берегу» выяснить отношения.

– Сергей, понимаешь, ты владелец, хозяин, ты решаешь, куда лодка пойдёт, где встанет, но как она пойдёт, всё управление и распорядок определяет капитан. В море ты матрос и полностью должен подчиняться. Когда придём в порт – ты снова Босс. Иначе ищи себе другого.

– Именно так и должно быть. Не забывай, у меня несколько судов в подчинении, порядок я знаю.

Переход был непростой, с ветрами и штормами, неизбежными у любой новой лодки, поломками, но без членовредительства, аварий и скандалов. Дошли за десять дней, спали по очереди, урывками по два – три часа. Когда пришли на Мальту и ошвартовались в марине – только тогда устроили праздник, с воплями, визгами и паданием за борт. Отоспавшись и протрезвев, Сергей предложил мне постоянную работу.

– Я буду приезжать летом на месяц с семьёй, зимой с друзьями будем ходить по Средиземке, куда душа попросит. Возможно, будут приезжать друзья без меня, но это максимум на недельку, и только самые близкие, покатаешь их куда-нибудь недалеко. Я, в принципе, могу прилететь и вне

графика, сам понимаешь – пар спустить, повыпить, поразвратничать. Остальное время яхта в твоём распоряжении, можешь жить на ней, можешь туристов катать. Вообще, лучше займись туристами серьёзно, я бы хотел, чтобы лодка хотя бы купала сама себя, даже без прибыли. Сам знаешь, расходы громадные: парковка, страховка, ремонты. Давай так: естественно, все расходы по содержанию за мой счёт, тебе первый год буду платить небольшую сумму, типа «на жизнь», пока раскрутишься, а все «каталки» с туристами – делим доход пополам. Дальше посмотрим.

– Давай попробуем. Разбежаться всегда успеем.

Жизнь в марине кардинально отличается от всего, хотя быт наладить совсем не сложно. Яхта прекрасно оборудована бытовой техникой, горячим душем, отоплением и чудесной кухней. Какое-то время приходится привыкать, что твой дом постоянно качается, и не только от волны, но даже когда переворачиваешься во сне на другой бок. А звуки! Сколько звуков! Толстые шкоты, как их не натягивай, бьют по металлической пустотелой мачте, пластиковые кранцы визжат и скрипят о соседнюю лодку, звук проходящего катера, передаваемый водой, сливается внутри яхты в непрекращающийся зуд. Но, с другой стороны, ты полностью автономен, не надо платить за электричество, воду; даже если произойдёт сбой в подаче энергии или в морском переходе, всегда можно запустить генератор. Но самое главное – соседи. На удивление много народа постоянно живёт на лодках. В боль-

шинстве своём это пожилые пары, вышедшие на пенсию и проводящие остаток жизни в путешествиях от порта к порту, от страны к стране. Преобладают англичане, американцы, немцы и французы. Все говорят на английском и всегда готовы поделиться советом или рассказать о своих плаваниях. В общем, скучать в марине не приходится. Нашлись и русскоязычные, несколько наёмных капитанов, живущих на подобных условиях и присматривающих за дорогой лодкой. На контакт эти люди шли трудно, были угрюмы, подозрительны и всегда недоброжелательны. Видать, бытие и вправду определяет сознание. Обращаться к ним за помощью (мелкой, поддержать – подстраховать) было неприятно. Соотечественники с чувством превосходства сначала долго размышляли, а потом начинали намекать на магарыч. Выпивая халявное пиво, хлопали по плечу и хором давали «бесплатные» советы, как обманывать Хозяина. Как устраивать «липовые» поломки, скрывать «левые» чартеры и много ещё способов и вариантов крысятничества, чтобы присвоить еврик-другой. В этой науке наши оказались непревзойдёнными мастерами. Было противно, поэтому по мере насыщения моего словарного запаса английскими существительными и глаголами, свёл общение с «коллегами» к нулю. Да и не выживали долго подобные «морячки» – приезжал хозяин, требовал отчёт, моментально видел туфту, и ... вылетал капитан в свободное плавание. На его место приходил другой, такой же. Но воровать начинал не сразу, годик-два учился, благо со-

ветчиков было достаточно, только наливай.

Имея за плечами многолетний коммерческий опыт, я понимал, что «сани» надо готовить летом, т. е. лодку к туристическому сезону – как раз зимой. Встретился с турагентами, обещал громадные комиссионные, бесплатные каталки им и их друзьям, дарил подарки, поил в ресторанах, в общем, вёл массированный маркетинговый артобстрел. Нужно было втиснуться в плотно забитый рынок мальтийского яхтенного чартера. Тут стоит учесть, что светили мне только русскоязычные туристы. Не хотят отдыхающие общаться с капитаном жестами, хотят на родном языке, что ж – имеют право.

В экипаж требовался ещё один человек. Почти невозможно в одиночку справляться с двадцатитонной лодкой, набитой веселящимися туристами, нужно работать с парусами, управлять, готовить и подносить еду и следить, чтобы перебравший турист не вывалился за борт. Только вот наёмному матросу нужно платить зарплату, а где её взять? Голь на выдумки хитра, а весь путь молодого эмигранта богато устлан граблями. Выписал с Украины парнишку – яхтсмена, вроде морской опыт был, а главное, согласен был работать «за суп», т. е. за жильё, кормёжку и морской опыт на большой лодке, ну и по мелочи там, на пиво – сигареты.

Ближе к лету начали просыпаться прикормленные агентства, пошёл турист. Конечно, весной море чаще всего неспокойно – волна, ветер. Не любят туристы, когда их укачивает, поэтому покатушки были в основном локальные, прогул-

ка по порту Валлетты, шашлык с купанием в тихой красивой бухте. И наконец подошёл серьёзный заказчик: чартер на неделю Мальта – Сиракузы – Катания (Сицилия).

Вышли в пять утра, до темноты хотелось пересечь Мальтийский пролив, разделяющий остров и Сицилию, 90 миль – двенадцать часов открытого моря, в месте с самым насыщенным судоходством в Средиземном море. Дул достаточно свежий ветер – четыре-пять баллов, яхта шла с сильным креном, некоторые туристы сгрудились у галюна. Те, кто более бесстрашен, «травили» за борт, привязавшись к лодке крепкой верёвкой, чтобы на очередной волне не вылететь за борт. Мы с Морячком (так буду звать помощника) боролись со стихией. Было страшно и бесшабашно весело.

В середине пролива, слева, из-за горизонта вдруг показался громадный корабль. Прожив жизнь в портовом городе, таких я не видел ни разу. Казалось, по морю идёт целый остров и идёт очень быстро, под тридцать узлов. Радар показал, что наши курсы пересекаются. В этом случае, согласно международным морским правилам, супершип должен сбавить ход или изменить курс и пропустить мелкую парусную козявку. Конечно, памятуя главное российское дорожное правило «Камаз всегда прав», я решил, что лучше потратить лишний час, но пропустить этого левиафана, который, переехав тебя, даже борт не поцарапает. Но тут ожила рация:

– ПАРУСНАЯ ЯХТА, ПЕРЕСЕКАЮЩАЯ МАЛЬТИЙСКИЙ ПРОЛИВ, ЭТО КИТАЙСКИЙ КОНТЕЙНЕРОВОЗ

«ШАНХАЙ».

– «ШАНХАЙ», ЭТО ПАРУСНАЯ ЯХТА «ПОМОР», СЛУШАЮ ВАС! – в истерике, пытаюсь собрать в голове свежевыученные английские слова, с трудом выдавил я.

– ЯХТА «ПОМОР», СОГЛАСНО РЕГЛАМЕНТУ, Я ОБЯЗАН ПРОПУСТИТЬ ПАРУСНОЕ СУДНО. КАК ВАМ БУДЕТ УДОБНО, ЧТОБЫ Я ИЗМЕНИЛ КУРС?

– «ШАНХАЙ», СОХРАНЯЙТЕ ВАШ КУРС И СКОРОСТЬ, Я ПОДОЖДУ, ПОКА ВЫ ПРОЙДЁТЕ.

– «ПОМОР», БОЛЬШОЕ СПАСИБО! УДАЧНОГО ПЛАВАНИЯ!

Всего ничего, две-три фразы, но как я был счастлив, что смог понять, мало того – смог ответить. Учить, учить язык дальше. Не всегда бывают идеальные условия, яркий солнечный день, прекрасная видимость, впереди меня ждали десятки ужасных, опасных ситуаций ночью, в шторм, грозу и туман. Но об этом расскажу дальше.

Сиракузы – самый южный порт Сицилии. До сих пор остаётся загадкой, почему в школе утверждали, что Сиракузы находятся в Греции; может, потому что самый известный житель Сиракуз был греком? Конечно, греком он мог быть вполне, но «Эврика» Архимед кричал всё-таки на Сицилии. И погиб от руки римлян там же. Городишко совсем небольшой, не туристический, эдакая сельскохозяйственная окраина. Но это уже был Евросоюз. А Мальта в то время ещё не вошла в Содружество.

Мы пришвартовались к центральной набережной и начали готовиться к праздничному ужину, в честь тяжёлого перехода. Туристы, ступив на твёрдую землю, сразу оправились от морской болезни и потребовали водки. А через пятнадцать минут подъехала машина с итальянскими карабинами. На английском говорил только один и почти так же отвратительно, как и я.

– Сеньор капитан, соберите все паспорта, документы на яхту и через 10 минут явитесь в наш офис для оформления прихода в Евросоюз.

Для экипажей судов визы не требуются – это я знал – но оформление документов заняло почти два часа и ещё час таможенный досмотр яхты. Почти всё общение с властями проходило на жестах. Закралась мерзкая мыслишка «может, выучить на всякий случай пару десятков итальянских слов, ведь сюда я часто буду приходить?», но выкинул её, разобратся бы с английским сначала. Смешно, через год, приходя, наверное, в тридцатый раз в Сиракузы, я, ещё не привязав лодку к причалу, кричал улыбающемуся карабинеру:

– Mario, amico, come statuamoglie, come stanno i bambini?

– Simon, stanno tutti bene, grazie.

Работы появлялось всё больше и больше, чартер за чартером, ходили в основном в Италию, на Сицилию и по южным островам Лампедуза и Пантелерия. Только вот с Морячком как-то не складывалось. Станный был Морячок. Вроде парусное дело знал, лодку держал в порядке, но в переходах за-

бивался в каюту и старался не показываться на палубе, скандалы следовали один за другим. Даже свою работу делал на «отвали». Нужно было стоять над душой. Но за стол всегда садился первый. Оказалось, не готов Морячок жить в капиталистических джунглях. Во время ночного неожиданного шквала вахтенный Морячок, нахлюпавшись пива, проспал срыв лодки с якоря, и только чуткий сон капитана спас яхту от выброса на камни. В ближайшем итальянском порту украинский яхтсмен был списан на берег с билетом Милан – Киев. Прощались оба с облегчением.

– И шо мне в Украине не жилось, пошли все эти эксплуататоры к бису! – думал Морячок.

– Никогда больше не найму нашего! – клялся себе капитан.

Как-то незаметно, даже, можно сказать, неожиданно, обязанности повара-матроса взяла на себя девушка-репетитор, нанятая для регулярных занятий языком. На тот момент у неё не было постоянной работы, а репетиторство не приносило достаточных средств для нормальной жизни на дорогой Мальте. Появление на яхте человека, прекрасно владеющего английским, сразу расширило возможности, можно было катать уже иностранного туриста. Да и моё обучение сразу получило мощный толчок. Мы могли заниматься целыми днями, даже в процессе мореплавания. Быстро освоив морские премудрости, девушка заняла заслуженное место старпома, и хотя таскать тяжеленные паруса не могла, но вполне без-

опасно было доверить ей постоять на руле пару часов, чтобы дать поспать капитану во время длинных переходов.

Тихая безлунная ночь. Небо усыпано мириадами звёзд, они отражаются в идеально гладкой воде. Полный штиль.

В кокпите только я и старпом. Туристы сладко спят в каютах. Паруса убраны за ненадобностью, идём под мотором на автопилоте. По правому борту в пяти милях виднеются редкие огни немногочисленных поселений на пустынном берегу Сицилии. Радар чист. Идиллия. В такую тёмную ночь приходится полагаться только на огни и навигационные приборы, взгляд упирается в темноту, а темнота в море двухмерна, невозможно определить расстояние до чего-либо, не воспользовавшись радаром. Развалившись на мягких диванах, мы ведём обычный морской трёп, изредка поглядывая по курсу, не появились ли огни проходящего судна. Правда, есть серьёзная опасность наехать на какой-нибудь плавающий мусор, и я не имею в виду пластиковую бутылку или унесённый ветром надувной матрас. Знаете, какой самый распространённый предмет, дрейфующий в морях и океанах? Сорокафутовый контейнер, потерянный каким-либо судном. Чаще всего он герметичен и не тонет, т. к. содержит достаточно воздуха, чтобы держаться на поверхности, вернее будет торчать один угол, а вся эта махина будет скрыта под водой. Такой айсберг опасен даже для средних торговых судов. Пластиковая яхта, наскочив на такое препятствие, затонет в считанные мину-

ты. Но разглядеть его в ночи невозможно, приходится уповать на милость Нептуна и Николая Чудотворца – покровителя мореплавателей. Ещё должна быть интуиция. Это совсем не материальная величина, это даже не чувство, а нечто труднообъяснимое, какая-то внутренняя тревога, какой-то диссонанс в мироздании. Любой судоводитель меня поймёт, бывает, на ровном месте в идеальных условиях начинает «сосать под ложечкой», и ты не понимаешь, с чего бы.

Не прекращая трёт, я встал с удобного дивана и пересел на жёсткую скамейку рулевого, хотя никакой необходимости в этом не было. Начал всматриваться в ночь – ни огонька, внимание постепенно переключилось, и разговор как-то увял. Старпом через пару минут задремал. Подчиняясь необъяснимой тревоге, отключил автопилот и перешёл на ручное управление, зачем-то взял мощный фонарь и решил посветить вокруг лодки. Прямо по курсу, метрах в пятидесяти, луч выхватил деревянную лодку итальянского рыбака, до столкновения и гарантированного затопления обоих судов оставалось не более тридцати секунд. Давать задний ход уже не было смысла, инерция у тяжёлой яхты огромная. Но, увеличив скорость и положив руль на борт, был шанс отвернуть – на хорошем ходу парусная яхта очень маневренна, перо руля раз в пять больше, чем на моторных судах. Мой борт прошёл всего в метре от сицилийского рыбака, сладко спавшего посреди моря без всяческих огней и

обозначений. Думаю, он даже не догадался, что этот сон мог стать вечным.

От резкого поворота туристы повывлетали из коек и выскочили на палубу. Я трясущимися руками сбавил ход, включил автопилот, выскочил на нос яхты и минут пять сбрасывал адреналин, адресно выкрикивая великолепно поставленным баритоном восьмиэтажные идиоматические конструкции, основываясь на пятилетнем изучении филологии в лучшем университете СССР и дворовом детстве в криминальной провинции. Пожилой мужчина, заказчик этого чартера, молча спустился на камбуз и принёс бутылку восемнадцатилетнего шотландского виски... но впереди был двенадцатичасовой переход через пролив – пришлось удовлетвориться термосом свежесваренного кофе и трёхэтажным бутербродом. Скотч был открыт в момент, когда первый швартов упал на кнехт порта назначения.

Читатель, наверное, заметил, что я употребляю немало морских терминов, не объясняя, что они значат, но сегодня, в век поисковых систем и социальных сетей, не представляет большого труда найти значение любого термина или выражения. Это намного проще, чем создавать по пять-шесть сносок на каждой странице, раздражая автора, издателя и читателей. Пусть так и останется, не обессудьте.

И, наверное, стоит отметить, что действие этого рассказа происходит в самом начале двухтысячных. Ещё нет айфонов, мобильного интернета и социальных сетей. Общение в

интернете происходит на форумах и в локальных чатах.

Отчаявшись искать круг общения согласно своему интеллектуальному уровню, я обнаружил сайт MALTAVISTA, сделанный московским программистом-подвижником для людей, которые по какой-то своей причине влюбились в голый, безлесый, безводный, но очень атмосферный, с невероятной историей, остров Мальта. На сайте был форум, где общались люди, живущие на острове или же регулярно приезжающие учиться или отдыхать.

Может, в те времена люди были другие, добрее, что ли. На этом сайте постоянно размещались статьи, исследования, рассказы участников о Мальте, её людях, устройстве, истории. Никто и не думал делать это коммерцией, писали наперебой, сами, с удовольствием. Через пару лет существования ресурса стало понятно, что сложившемуся костяку уже жизненно необходимо встречаться и под звон бутылок непринуждённо обсуждать, что в голову взбрёт. Сначала встречи проходили в питейных заведениях Москвы, но под давлением форумчан, жителей Мальты, стали проходить и на острове. Со временем местом сбора и глобальных посиделок стала яхта. Это было совершенно оправдано, гулянки могли продолжаться по несколько дней, люди приезжали и уезжали, а демократия в яхтенной марине позволяла безобразничать круглые сутки, правила мальтийского общежития на море не распространялись. Соседи яхтсмены терпеливо сносили шум, женский визг, танцы на причале и даже сладко-

ватый дымок, просачивающийся из каюты. Не было смысла возмущаться, к ним тоже приезжали гости, и они регулярно устраивали подобные вечеринки.

Иногда на яхте собиралось до сорока человек, многие приезжали со всех концов России. Все были образованны, все состоялись в жизни, знали языки. Честно говоря, за полжизни на Родине я не приобрёл такого круга общения, как на Мальте. Общения, не основанного на взаимной выгоде или по профессиональному признаку. Общения исключительно на взаимном интересе и уважении. В группу постоянно вливались новые люди, и появилась необходимость некоторой организации. Если собирались в Москве – приходилось снимать целый ресторан, организатором выступал сам владелец сайта, но амбассадором MALTAVISTA на Мальте назначили меня. Было весело и бесшабашно.

В пятницу рано утром вдруг разрывается мобильник. «Какого хрена ...» – взрываюсь я спросонья.

– С вами сейчас будет говорить Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации на Мальте, – чеканно произнёс металлический кагэбэшный голос.

– Привет, армянский помор! – пророкотал в трубке голос Посла. – Спишь, что ли, ещё?

– Степаныч, имей совесть, чего тебе надо в такую рань? Я лёг в три ночи, что такого срочного может поднять чиновника с тёплой казённой постельки и заставить позвонить отъявленному антисоветчику, польстившемуся на подачки Госде-

па?

Тут стоит заметить, что панибратства с высокопоставленным государственным лицом в этом диалоге нет ни капли. Мы были знакомы со времён моей репортёрской юности, когда Степаныч был обычным мэром в небольшом захуханном провинциальном городе. Потом пошёл в большую политику и, правильно расставив приоритеты, поднялся до небес. Кульминацией политической карьеры стала должность Представителя Президента. Был захвачен чеченскими боевиками, просидел много месяцев в плену и был выкуплен за 7 миллионов долларов. После чего обласкан Ельциным, награждён всем, чем можно было, и... отправлен «отдыхать» Послом на тёплую бесппроблемную Мальту. Мы взаимно были рады встрече, всё-таки земляки, старые знакомые, можно было не корчить из себя ничего, а спокойно выпивать на яхте, не боясь посольской прослушки и прочих мерзостей родных спецслужб. Тем более к власти уже пришёл Путин, и мы оба не испытывали никаких сомнений в манере правления скользкого офицера КГБ.

– Нам спать некогда, мы люди государевы, – начал Посол издалека, – ты в курсе, что послезавтра выборы президента в России?

– Ага, слышал, Путин на второй срок идёт. Мне-то что до этого?

– В общем, есть у меня к тебе личная просьба, по-дружески, так сказать... Я слышал, да и в интернете читал, что у

вас там тусовка большая, молодёжь приезжает, курите, пьёте... девчонки там разные... весёлые.

– Всё верно, приходи в гости, познакомлю. Народ офигеет – с Послом рюмку тяпнуть. Так чего нужно-то?

– В общем, без политесов, сможешь организовать в воскресенье, чтобы на выборы пришли хотя бы человек десять – пятнадцать из твоих? Мне, кровь из носу, явка нужна для отчёта наверх. Ты же понимаешь, явка – главный показатель работы Посла в чужой стране, остальным Консульство занимается и чекисты. Сможешь – с меня поляна.

– Степаныч, тут ведь дело такое... мы народ аполитичный, а уж Путина вообще не признаём, да и многие боятся соваться в посольство, от греха подальше – там паспорта, проверки, камеры, там русским духом пахнет. Ну за себя со старпомом могу пообещать прийти, и только ради тебя, но имей в виду, за этого «начальника клуба» голосовать не буду.

– Станислав, да голосуйте хоть за кого хотите, хоть «против всех», мне только явка, цифирь нужна. Ну, земля, давай подумаем, как затянуть твой народ на выборы, может, убедить как-то?

– Нет, Степаныч, убедить не получится, люди все образованные – программисты, журналисты, врачи... на мякине не проведёшь. Но, думаю, есть один вариант... Скажи, ты ведь формально самый главный в Посольстве и все тебе обязаны подчиняться?

– Ага, как же, ну разве что формально, политически, на

деле – каждый спец своему ведомству отчитывается – кто ГРУ, кто МИДу, а я так, в костюме ходить да щёки на приёмах надувать, я же не дипломат. Но давай, говори, чего придумал?

– Помнишь в советское время выборы в Верховный Совет? На всех избирательных участках играла музыка, работали буфеты с колбасой и коньяком за сущие копейки, даже дефицит выбрасывали в этот день, трамваи были бесплатными... Выборы – как праздник был. Это мои детские воспоминания. Давай устроим что-то подобное. Смотри, у тебя в посольстве человек семьдесят работают, у всех есть безработные жёны-бездельницы, на полном государственном обеспечении задницы отрачивают и доносы друг на друга строчат. А что если ты прикажешь им напечь домашних пирожков, тортиков домашних и разоришь российский бюджет на пару вёдер хорошего чаю и кофе? Сделайте комнату на выходе из зала голосований, типа: отдал голос – велкам на чаепитие подомашнему, и выгони туда всех начальников отделов, пусть пообщаются с народом, неофициально, заодно ещё пару мероприятий закроешь, культурных. Вот под это дело я и 30 человек притащу, правда, чай они не столь любят...

– Етить твою! Вот не зря ты в театрах пыль с кулис околачивал. Целый сценарий, да и затрат никаких, и сучек этих я давно хотел как-то занять. В общем, замётано, прямо сейчас прикажу печь пироги, и у кого невкусные будут, мужа на Родину спишу за плохую работу. Одна загвоздка: намёк

твой я понял, но нельзя алкоголь на избирательном участке, стукнут раньше, чем первую рюмку нальём.

– Ну это не беда, даже лучше, кто захочет с чекистами пить? Давай вечером приезжай на лодку, привози ящик, я мяса приготовлю, народ весь там будет. Есть у Посла бюджет на представительские расходы?

– Да на хрена госденьги трогать, у меня зарплата, как у Ротшильда, а тратить некуда. На свои куплю, так вообще лучше и безопасней будет, если кто из твоих стучит, то всё в порядке, Посол может в нерабочее время выпивать с друзьями. А всё-таки давай, ты купи алкоголь, а я вечером деньги отдам, а то как-то неудобно на посольском мерседесе с флагом водку в багажник грузить.

– Всё. Договорились. Жди на выборы толпу волосатых хиппи.

Всю ночь на русской яхте звучали специально подобранные советские песни, волосатые хиппи пьяно спорили, кто придёт после второго срока Путина, а весёлые девушки в разноцветных купальниках наперебой соблазняли резко помолодевшего шестидесятилетнего Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации, отплясывавшего на палубе в фирменном спортивном костюме с надписью «Россия – вперёд!».

В Тунис мы пошли вчетвером: друг хозяина с девушкой, моя девятилетняя дочь, приехавшая из Питера на каникулы, и я. Переход не казался сложным – сто миль до ита-

льянского острова Лампедуза и столько же до побережья Африки. Вышли под вечер, чтобы на следующий день прийти на Лампедузу, дабы не тыкаться впотьмах у незнакомого берега в поисках стоянки. Дочь впервые шла в столь длинный переход и, в принципе, о море ещё ничего не знала.

Стемнело. Огни Мальты скрылись за горизонтом, ветра почти не было, но откуда-то появилась небольшая волна. С каждым часом лодку всё заметней раскачивало. Зная старинное морское правило «Не бойся волны – бойся ветра», я не придал этому значения, но на всякий случай укрепил всё, что может сорвать, и подготовил штормовой парус. Всё-таки волну что-то должно было разогнать, сама по себе она появиться не может. Часам к двум ночи волнение уже превысило пять баллов и имело направление строго по курсу, проще говоря – «в морду». Лодка с трудом взбиралась на трёхметровую волну, резко переваливалась на гребне и, как на скейтборде, стремительно скатывалась вниз. Ночь была ясная, звёздная, и, к счастью, взошла полная луна, прекрасно осветив беспокойное море. Тут ударил шквал. Сила ветра росла от двадцати до сорока узлов, и мы влетели в восьмибалльный шторм. Обычные сухопутные люди, смотря прогноз погоды, часто удивляются, когда сообщают: «Высота волны – 6 метров», но не подозревают, что волна измеряется не от подножья, а как бы с нулевой отметки, то есть от уровня спокойного моря. А когда лодка скатывается к подножью волны «в яму», перед тобой оказывается стена

высотой в двенадцать метров – это четырёхэтажный дом. Из парусов на яхте был установлен только «носовой платок» – маленький штормовой парус, нужный при встречном ветре больше для балансировки, нежели дающий какой-то ход. Вся надежда была на двигатель.

Мои пассажиры укачались давно, даже я к этому времени пару раз «покормил рыб». Друг хозяина, человек не чуждый морю, мужественно стоял со мной в кокпите, мокрый от брызг, с распухшим от солёной воды лицом. На случай аврала или аварии, должен был броситься помогать. Его девушка от ужаса зарылась под одеяло в каюте и тихо скулила. Дочь сидела в салоне и обессиленная пыталась бороться с тошнотой. Впервые попав в шторм, ребёнок не понимал, что может случиться что-то страшное, для неё страшней – запачкать диван рвотой, это же стыдно. Автоматика в таких условиях почти не работает, нужно управлять руками, руль на яхте большой, колесо – полтора метра в диаметре, и отпустить его нельзя ни на секунду. Волна бьёт по перу руля, ветер жмёт на рангоут, рулевой постоянно крутит руль и, взлетая на гребень волны, имея две-три секунды, пока лодка не скатится в пропасть, должен рассмотреть, что там впереди.

– Катя, не держи, возьми пакет и выбрось всё из себя, сразу станет легче! – крикнул я дочери, увидев в проёме люка сильно побледневшее лицо. – И сделай это два-три раза! К счастью, дочери, лет до 11, ещё признают авторитет от-

ца и быстро подчиняются. Через десять минут щёки у неё заметно порозовели.

В борьбе со стихией прошло ещё два часа, пассажиры были вымотаны качкой, но встречный ветер и волна сильно тормозили ход, впереди была ещё половина пути. Есть одно лекарство, но это отнюдь не «Драмин», таблетки от укачивания – это обычное снотворное, вызывающее вялость и сон, во сне вестибулярный аппарат успокаивается и меньше реагирует. Не более. Проверенное лекарство – алкоголь. Нет, не напиться, в совсем небольших количествах алкоголь снимает болезненную психомоторику, успокаивает, на некоторое время исчезают рвотные позывы, и организм отдыхает, через час – полтора можно ещё добавить.

– Спускайся на камбуз, возьми в холодильнике три банки пива, одну, хоть силой, заставь выпить свою рыдающую подругу, другая – тебе, а третью дай моей дочери! – заглушая рёв ветра и снастей, прокричал я напарнику.

– Моя пива не пьёт, хуеет, – начал бормотать он, – а не рано твоей девочке бухать?

– Твоя уже похудела килограмма на три, заставь, иначе в обморок свалится, скажи, что приказ капитана. А с дочерью я сам разберусь.

Через минуту в люк высунулось неимоверно удивлённое лицо Кати.

– Папа, ты в своём уме, это же пиво, мне нельзя, я ребёнок...

– Выпей треть банки, не больше, остальное отдай мне. Сейчас разрешаю, станет намного легче.

Лекарство сработало. Подруга перестала скулить и заснула. Дочь, получив первый в жизни допинг, даже попыталась вылезти наружу и посмотреть на вакханалию волн, но, получив доброе ведро воды в лицо, вернулась на сухой и мягкий диван.

Тут, по закону жанра, и подкралась серьёзная проблема. Взлетев в очередной раз на гребень волны, я увидел судно, идущее пересекающимся курсом. Я шёл носом к волне и ветру, и изменить курс значило подставить борт, а это уже было смертельно опасно. Рассчитав угловые скорости, принял решение немного убавить обороты и дать кораблю спокойно пройти. По моим расчётам, я спокойно пройду по корме, когда он уже удалится на целый километр. Так и сделал: снизил скорость и, согласно правилам, вызвал по радиации вахтенного штурмана, чтобы предупредить о варианте расхождения судов. Эфир на 16 канале (все корабли общаются в море именно на этом канале) не был пуст. В радиусе трёхсот миль находилось много проходящих судов, их мощные радиостанции добивали и из африканских портов, и даже из Сицилии. На мой запрос встречное судно ответило длинным эмоциональным текстом на итальянском языке. Даже можно было себе представить, как капитан жестикулирует, крича в микрофон. Я не понял ни слова. Снова и снова по-английски информировал:

– СУДНО, ИДУЩЕЕ КУРСОМ НА СЕВЕРО-ЗАПАД В ТРИДЦАТИ МИЛЯХ К ВОСТОКУ ОТ ОСТРОВА ЛИНОЗА, ЭТО ПАРУСНАЯ ЯХТА «ПОМОР», НЕ МЕНЯЙТЕ СКОРОСТЬ И КУРС, Я ПРОХОЖУ ПО КОРМЕ. КАК ПОНЯЛИ? ПРИЁМ.

В ответ неслись нескончаемые рулады итальянских слов. Положение осложнялось тем, что видеть ситуацию я мог только на вершине волны, как и говорил – несколько секунд, основное время или катился вниз, или взбирался наверх, без какого-либо обзора. Мы быстро сближались. В очередной раз забравшись на волну, я увидел, что капитан, или кто там был на вахте, сделал всё совершенно наоборот, судно сбросило ход, и теперь я целился ему точно в борт. Итальянские вопли смешались с моими английскими, никто никого не понимал. Я снизил ход до возможного максимума, ситуация становилась опасной, в любую секунду яхту могло развернуть бортом к волне.

Судно тоже снизило ход. Оно не собиралось меня пропускать, а как бы создавало аварийную ситуацию, в которой утону только я... и мой ребёнок.

– ГОУ! ГОУ! ФОРВАРД! РЕКТО! СПИД! РАПИДО! ДОЛБАНЫЙ МАКАРОННИК! – заорал я в микрофон, прибавив с десяток русских эмоциональных выражений. В ответ, на мой взгляд, лились ровно те же самые выражения, но непонятные мне.

– ПАРУСНАЯ ЯХТА У ОСТРОВА ЛИНОЗА, ОТВЕТЬТЕ

ТАНКЕРУ «КОЛЫМА»! – вдруг произнесло радио на чистом русском языке. Голос был сонный, ленивый и совершенно не вписывался в эмоциональный накал.

– ТАНКЕР «КОЛЫМА», ЭТО ЯХТА «ПОМОР», СЕЙЧАС НЕМНОГО НЕ ДО ВАС, ВОЗМОЖНО СТОЛКНОВЕНИЕ С ОДНИМ ИТАЛЬЯНСКИМ МУДАКОМ.

– ДА Я И СЛЫШУ, КАК ВЫ ОРЁТЕ, А ТЫ УЖЕ И МАТОМ НАЧАЛ. ЯВНО НЕ ЗНАЕТ МАКАРОННИК АНГЛИЙСКОГО, А ТЫ – ИТАЛЬЯНСКОГО. ШТОРМИТ ТАМ У ВАС, ЧТО ЛИ?

– БАЛЛОВ ВОСЕМЬ. ПОКА ПАДАЮ МЕЖДУ ВОЛН, НЕ ВИЖУ НИ ХРЕНА, А ЭТОТ СНИЖАЕТ ХОД И НЕ ДАЁТ ПРОЙТИ ПО КОРМЕ.

– ДАЛЕКО ДО НЕГО?

– С МИЛЮ ОСТАЛОСЬ.

– ПОВИСИ НА СВЯЗИ, СЕЙЧАС ПОЗОВУ БОЦМАНА, ОН ЗНАЕТ ИТАЛЬЯНСКИЙ, ВЫЯСНИМ, В ЧЁМ ДЕЛО.

Несколько минут продолжались переговоры боцмана с моим встречным кораблём. Я, как мог, сдерживал лодку от разворота, на малом ходу яхта почти не управляема.

– «КОЛЫМА» ВЫЗЫВАЕТ «ПОМОР».

– НА СВЯЗИ. ЧТО-НИБУДЬ УДАЛОСЬ ВЫЯСНИТЬ?

– ЭТО ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ РЫБАЦКОЕ СУДНО, ОБСЛУЖИВАЕТ ТУНЦЕЛОВОВ. ОНИ ПЫТАЛИСЬ СКАЗАТЬ ТЕБЕ, ЧТО ЗА КОРМОЙ ТАЩАТ ДВУХКИЛОМЕТРОВЫЙ ТРОС В РУКУ ТОЛЩИНОЙ, ПОЭТОМУ И СБАВЛЯЛИ

ХОД, ЧТОБЫ НЕ ДАТЬ ТЕБЕ НАЛЕТЕТЬ НА НЕГО, ТВОЙ КИЛЬ СРЕЖЕТ, КАК НОЖОМ, И ТЕБЕ КАРАЧУН БЫЛ БЫ. В ОБЩЕМ, ВРУБАЙ ПОЛНЫЙ И ОБХОДИ ИХ ПО НОСУ, ОНИ БУДУТ ЖДАТЬ, КОГДА ТЫ ПРОЙДЁШЬ. Я БОЦМАНА ПОДЕРЖУ В РУБКЕ, ПОКА РАЗОЙДЁТЕСЬ, НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ, ВДРУГ ПОНАДОБИТСЯ.

– СПАСИБО, «КОЛЫМА». НЕ ЗНАЮ, ЧТОБЫ ДЕЛАЛ БЕЗ ВАШЕЙ ПОМОЩИ. ВЫ ГДЕ-ТО НЕДАЛЕКО?

– В ТРИПОЛИ, ПОД ПОГРУЗКОЙ СТОИМ. А ТЫ, ШКИПЕР, ПРИВЫКАЙ, ЭТИ РЫБАКИ-КОЛХОЗНИКИ, КРОМЕ СВОЕГО БАСУРМАНСКОГО ЯЗЫКА, НИКАКОГО НЕ ЗНАЮТ.

– ЕЩЁ РАЗ СПАСИБО. УДАЧНОГО ПЛАВАНИЯ!

Часа через три начало светать, и хоть ветер и волны не уменьшились, при свете как-то стало веселей и не так страшно. На горизонте появился маленький остров, скорей кусок камня с небольшим посёлком Линоза. Было принято решение спрятаться с подветренной стороны, встать на якорь и переждать стихию. Хотя больше нужен был физический и моральный отдых. Мне просто необходим был стакан виски и минимум три часа сна.

Из люка показалась голова дочери.

– Папа, меня опять укачало!

– Уже скоро приедем, час остался, спрячемся – качка прекратится.

– Ну укачало-то сейчас.

– Ну потерпи немного...

– А можно ещё пива?

Поп-звезда

– Ну что, изменник родины? Жив ли ты там, на хлебах заморских? – протяжно, словно нехотя, будто продолжая вчерашний разговор, произнёс в трубке скрипучий тенорок. Эту интонацию, эту словесную игру я не мог ни с чем спутать. И хотя не слышал этот голос больше десяти лет, заученно, почти профессионально, отреагировал на реплику.

– Хлеба заморские – ой как сладки, а дым Отечества до нас не долетает. Чего тебе, Шапкин? Почто тревожишь толстого, ленивого диссидента? Отчего нарушил мою дрёму и негу послеобеденную? Неужто соскучился, хороняка, кости старые решил погреть на земле Рыцарей Мальтийских, а денюжек на постоянный двор жалко? Всего-то ничего, лет двенадцать прошло, как не виделись – не слышались...

Лёша Шапкин был моим однокурсником по театральному училищу, ровесником и бывшим близким другом. После выпуска, в конце восьмидесятых, нас стандартно развела судьба. Лёша отправился покорять Москву, как все молодые актёры, я же вернулся на Север, решив окончить театральную карьеру и стать серьёзным журналистом. Связь мы быстро потеряли, но в театральном мире это не беда. Этот мир очень узкий, можно сказать, камерный – все театральные через одного друг друга знают, и слухи об успехах или провалах каждого очень быстро расходятся по всему Советскому Союзу.

Я слышал, Лёша сделал головокружительную карьеру в одном из московских театров, к тридцати годам стал Заслуженным Артистом России, но потом пропал со всех горизонтов. Почти всегда это означало или тяжёлую болезнь, или смерть, но в Лёшином случае – ходили какие-то неподтверждённые сплетни, что он попал в секту, увлёкся религией и... в общем, никто ничего не слышал о нём. Конечно, я был несказанно рад услышать бодрый голос бывшего друга, от вопросов распирало, но нужно было придерживаться сценария.

– Ой, ну вот тебя и раньше было не провести, зришь в корень, провидец ты наш, – продолжал тянуть резину Лёша. – Ну, конечно, куда нам, сирым и убогим, до вас, богатеев мальтийских с яхтами и весталками, одной просфорой сыты бываем, что Бог даст – тем и живём. Но вот тут Бог, как ты истинно заметил, дал мне возможность посетить твой благословенный остров, я и выпросил твой номер у твоей бывшей жены (тоже нашей однокурсницы). Найдётся у тебя уголок мощи старческие кинуть?

– Ну разве что в порядке дела благого. Глядишь, зачтётся...

– Ещё как зачтётся, я уж постараюсь.

Лёша Шапкин, парень из небольшого приволжского села, никогда не блистал ни ростом, ни статью. Приёмную комиссию театрального он покориł исключительно своим талантом. Был Лёша чуть ниже среднего роста, имел заштатную

внешность, жидкие волосы и мощное обаяние острохарактерного актёра. До поступления он даже умудрился пару лет поработать в профессиональном театре и играл там отнюдь не «Кушать подано...».

Вместе с опытом большой сцены Лёша принёс в училище и опыт «закулисья». В интригах, сплетнях и изворотливости ему не было равных. Наверное, это нас и сблизило. Я вырос в театре и легко определял, когда однокашник врёт или задумал какую-нибудь «поганку». Лёша грамотно счёл, что нам лучше быть друзьями, нежели скрытыми противниками, благо по фактуре мы кардинально отличались, чем исключалась сценическая конкуренция. Только вот тщеславен он был безмерно.

Встречая Шапкина в мальтийском аэропорту, я наблюдал, как самолёт из Москвы заруливает на стоянку, как подают трап и думал: «Интересно, как он изменился за эти годы – потолстел, полысел, узнаю ли сразу?»

Двери самолёта открылись, и первым на трап шагнул... русский поп в богатом, парадном, расшитом золотом облачении. Высокий головной убор он придерживал рукой, в другой нёс дорогой кожаный портфель.

– Мать твою... – мелькнуло в голове. – Только Лёха мог устроить такой спектакль, его стиль. Но как?

Когда священник появился в зале ожидания, провожаемый сотнями любопытных взглядов мальтийцев и туристов, и направился ко мне, я чуть не впервые за свою жизнь оро-

бел. Ряса, богатое убранство не было бутафорией. Мало того, финальную точку в образе ставил настоящий боевой орден на груди моего однокурсника.

– Лёша... ой, простите, Батюшка... – промямлил я, не зная, приложиться к руке священника или протянуть для пожатия?

Именно на такой эффект Шапкин и рассчитывал. Медленно подойдя ко мне, он аккуратно поставил портфель, повернулся к толпе встречающих и размашисто осенил их православным крестом, благословляя. В ответ добрая сотня человек почему-то захлопала. После чего повернулся, обнял меня и, так же картинно, троекратно поцеловал, после чего протянул руку, но хитро, ладонью вниз, почти как для поцелуя.

– А вот хрена два, – прошептал я. К счастью, Лёша чуть переиграл, дав мне оправиться от удивления.

– Облом. Что, затянул сцену, пережал? – весело спросил священник. – Да, всегда страдал от этого, меры не знаю. Да ладно, вези меня, боярин, в келью монашескую, надеюсь, «кровь господня» у тебя припасена в больших количествах?

На яхте попу была определена собственная каюта, из которой через полчаса вышел обычный Шапкин, в китайских шортах неопределённого цвета и застиранной футболке. Пригладив жалкие остатки сметённых временем волос, он заорал: «Стас, дай я тебя поцелую, сколько лет...»

– Эээ, минуточку. Надо сначала определиться, кто есть

ху... – отстранился я. – Вы... ты... и вправду священник?

– Иеромонах отец Иоасаф, настоятель одного из подворий Санкт-Петербурга, позвольте представиться.

– Иеромонах, то есть чёрный монах?

– Уже да, два года назад принял третий постриг.

– Ни фиги себе. А это какое звание, если на военный лад перевести, для тупых и недалёких в церковной иерархии?

– Полковник, как минимум.

– И как мне вас теперь называть?

– Ты достал уже! Чего напрягся, попа первый раз видишь? Для тебя я был, есть и буду Лёша Шапкин. Ну разве что на людях, когда я в одеянии, не матери меня, пожалуйста. Так нальёшь зелья какого-нибудь, с устатку?

– А тебе пить можно?

– Всё, я понял. Издеваешься. Мстишь за аэропорт. Сво-лочью был, сволочью остался...

– Ну, так и быть – целуй, но смотри, не доверяю я вам, ксендзам... в свете последних тенденций в церкви.

– А это не у нас, это у католиков содомия сплошная, мы в РПЦ не такие, – захихикал иеромонах.

За столом Лёша хорошо поставленным голосом артиста-проповедника поведал о жизненных перипетиях.

– Ну о моей театральной карьере ты наверняка знаешь. Не буду останавливаться, скажу только, что там я быстро всего добился, получил «заслуженного», и уготовано мне было, согласно моей фактуре, всю жизнь играть дурачков да Бабу

Ягу. Ну, может, под старость, если бы повезло, Короля Лира дали сыграть. В театре сплошной террариум и серпентарий, все едят всех, да и девяностые начались – ни съёмков, ни ролей, ни денег. С женщинами, как сам помнишь, у меня как-то не складывалось никогда. Нет, были, конечно, даже ребёнок на стороне есть, но... им подавай богатых или хотя бы видных, а я... я – мелкая копия Миллиара. Но я хочу внимания, хочу, чтобы все мне поклонялись.

– Погоди, так религия – это твоя персональная сцена? Поэтому в попы подался?

– Нет, конечно. К Богу я шёл долго. Бросил театр и уехал в дальний монастырь, три года послушником, поступил в семинарию, совершил постриг, получил первый сан, но на приход не пошёл, стал келейником у епископа. Я ж звезда – мне и путь нужен звёздный, быстрый. За пару лет стал ему незаменимым помощником, даже иногда решал мелкие вопросы своей волей, конечно, с благословения. Скоро заслужил авторитет у братии. В итоге получил от епископа хороший приход, сейчас заканчиваю духовную академию, лично знаком с патриархом. На то, чего я добился за десять лет, многим жизни не хватает.

– Сильно! Лёш, скажи, а что за орден у тебя на рясе висит, не похож он на церковную или гражданскую побрякушку?

– Чечня, две командировки.

– Ох, ни фиги себе, так ты же не можешь воевать, ты же священник?

– А кто солдатиков окармливать будет, в России нет института капелланов, вот и напросился на войну, хоть и страшно там до ужаса. Но как-то пообвык там, эта работа – исповедовать умирающих солдат да благословлять на ратную битву – очень угодна Богу, да и почетна среди священнослужителей. Сейчас служу в Питере, но планов дальнейших – громадьё. В общем, я ведь сюда не только отдохнуть – повидаться приехал. Хочу почву провентилировать. Наверху есть мнение – приходик здесь открыть, наш РПЦ-шный, пока Зарубежная Православная Церковь не влезла. А я уже давно на покой хочу, в тёплую спокойную страну, сам себе хозяин, все тебя любят, все ручку целуют... да доход здесь неплохой видится. Как, одобряешь такую идею?

– Ну почему же не одобрять, дело хорошее, правда, сомневаюсь в реализации. Мальта – очень католическая страна, они другие конфессии сюда не пускают. Да и православных здесь не много.

– Ну тут дело больше политическое, это решать на уровне руководителей государств и церковей будут, нам только почву подготовить, идейку кому надо в голову закинуть, да помелькать здесь в чёрном греческом одеянии. Видел, как меня в аэропорту принимали?

– Могу с Послом России свести разве что, в другие инстанции я не вхож, да и не сильно хочу.

– Боже! Да это вообще супер, я даже не чаял на приём к послу попасть, а ты тут тоже времени не теряешь, говори,

чего вы с властью мутите?

– Ничего, земляк он мой, знакомы ещё с Севера. Сейчас позвоню, встретишься. А мы с ним просто выпиваем изредка да анекдоты травим.

– Песен-то наших училищных петь будем, не разучился играть?

– Вроде нет, вечером девушка придёт, разгуляемся.

– Точно, ты ж разведён теперь, а что за девушка, как мне себя вести с ней?

– Как отец Иоасаф, конечно. Золото можешь не надевать, но подрясник уж будь добр.

– Нельзя мне ругаться, грех, но какой это отдых выпивать и песни петь в одеянии, да ещё в такую жару?

– Ручку поцелуешь, разрешу снять...

– Вот скотина злопамятная, прости Господи! А если на то пошло, то у меня тоже обида на тебя есть. Помнишь, на втором курсе ты завалился ночью ко мне на съёмную квартиру с двумя подружками и парой бутылок мерзкого, польского «Cinzano»?

– Как такое забудешь. Классно было же...

– Это тебе было классно. А ты забыл, как завалил обеих на мою кровать и устроил там вакханалию, а я вынужден был вертеться в углу на полу, слушая ваши развратные хихиканья? Вот, может, тогда ты подорвал во мне веру в себя, как мужчину...

– Э, я прекрасно всё помню, мы тебе не раз предлагали

присоединиться. Ты отнекивался и скромничал. Где тут моя вина? Сам понимаешь, тут дамы выбирают, к кому в постель прыгать, это же приличные студентки были, не шлюхи какие-нибудь.

– Но моральную травму ты мне нанёс, друг называется, мог бы привести их и свалить...

– Ну, ты красава, а ключ от квартиры, где деньги лежат, тебе тоже надо было отдать и свалить? И потом, если этот случай так повлиял на тебя, так, значит, я и явился главным стимулом для твоего обретения Бога. Благодарен должен быть.

– Да, ладно, шучу, конечно, просто вспомнилась жизнь наша студенческая. Ох, куролесили... Но, если серьёзно, покаяться я перед тобой должен. Есть грех на мне. Помнишь, у тебя пропал второй том Михаила Чехова, редкое издание, как раз с описанием его системы работы над образом через психофизику актёра?

И тут Лёша, аккуратно выйдя из-за стола, на полном серьёзе бухнулся на колени, ударил земной поклон и перекрестился.

– Прости меня, Станислав, грешного, каюсь, я украл его. Украл и не признался. Да всякие гадости мелкие за спиной иногда позволял себе говорить. За это тоже прости. Примешь мое покаяние?

– Конечно, приму. Про гадости я знал, конечно, да и сам этим грешил. Ты тоже меня прости.

– Вот и ладненько. Официальная часть закончена. Мы с

тобой чисты перед Богом теперь. Поцелуемся?

– Одно у вас, попов, на уме – лобзания. Ладно, но в первый и последний раз.

Утром в воскресенье иеромонах Иоасаф неожиданно появился из своей каюты в полном монашеском одеянии: идеально пошитая по фигуре шёлковая чёрная ряса, клобук, наперсный крест из жёлтого металла. Жидкая борода была тщательно подстрижена и расчёсана.

– Одевайся прилично, батюшка Станислав, в церковь идём, на службу. Воскресенье – Господний день.

– Где же мы тут церковь-то найдём, Отец Иоасаф, нет на Мальте православного прихода, даже молельного дома нет, раз в месяц приезжает из Палермо наш поп и окормляет немногочисленную паству в какой-то квартире. Некуда нам идти.

– Тёмен ты, сын божий. Тёмен и сер. Для разговора с Господом не важна конфессия или религия, Бог един и Бог в сердце твоём. Вратами к Богу является любое строение, где молятся, будь то синагога, мечеть или молельный дом мормонов. Ищущий Господа может возносить молитву, где угодно. Веди меня в ближайший католический храм на мессу.

– Так католики же сидя молятся, а мы вроде стоять должны?

– Так и постоим, служба-то у нас по одной книге идёт, христиане мы. Ты язык-то освоил уже?

– Вроде более-менее справляюсь, только ведь служба не на английском, а на латыни у них, только проповедь на мальтийском или английском. Вряд ли я смогу перевести.

– Службу, батюшка, я наизусть знаю, перевод мне не нужен. А с людьми общаться ведь придётся. Греческий ортодокс на католической мессе вызовет сильный интерес.

– Опять ты что-то задумал...

Мы вошли в собор минут через пять после начала праздничной мессы, дождавшись, когда прихожане рассядутся и начнётся служба. Встали сзади скамеек, чтобы не привлекать внимания. Шапкин погрузился в молитву, изредка осеняя себя православным крестом. Было видно, что делает это он совершенно искренне, без всякой театральности. Я же, прочитав про себя пару раз «Отче наш», послушно повторял со всеми «Аминь» и больше разглядывал убранство и слушал пение псалмов великолепного хора мальчиков, участвовавшего в богослужении в честь какого-то, неизвестного мне, католического праздника или святого. Вели службу четыре католических пастора в белых, расшитых золотом облачениях. Также на алтаре находились с десяток монахов и хор. Было бы странно, чтобы чёрный монах не привлёк внимания прихожан. Сидящие, заметив Иоасафа, всё чаще начинали оглядываться, на лицах было истинное удивление и нескрываемый интерес. Очень скоро его заметили и проводящие мессу священнослужители.

Во время небольшого перерыва в службе пастор что-то

шепнул монаху-служке и тот тихо по краю зала направился к нам.

– Отец настоятель приглашает господина греческого священника присоединиться к нашей молитве у алтаря.

Отец Иоасаф благосклонно кивнул и тихо, но величественно проследовал за монахом. На возвышении он скромно встал в ряд монахов и продолжил молитву. Лёша был счастлив. Несколько сот глаз пристально наблюдало за ним.

– Дети мои, – произнёс по окончании основной службы настоятель храма, – сегодня мы хотим поприветствовать русского пастора, отца Иоасафа, который молился вместе с нами в этот праздничный день. Его визит символизирует сближение наших церквей и стремление к устранению межконфессиональных различий перед ликами Господа нашего Иисуса Христа и Девы Марии Богоматери. Поприветствуйте его.

Лёша величественно вышел и низко поклонился пастве. После чего широко благословил наперсным крестом, в православном стиле. Это был полный успех.

Отойдя назад, он начал всячески подавать знаки, чтобы я подошел. Пришло время неформального межконфессионального общения, нужно было переводить.

В небольшом зале за алтарём собрались несколько местных священнослужителей и повели доброжелательный дипломатический разговор с представителем Русской Православной Церкви. Отец Иоасаф был готов к нему. Быстро

определив главного, он достал из кармана рясы явно заранее заготовленные подарки: икону Николая Угодника и частицу мощей какого-то, почитаемого католиками, святого. В ответ был задарен подобными символами христианства и образцами местного религиозного культа.

Вдоволь насладившись вниманием, Лёша шепнул мне: «Наверное, пора сказать им, что я здесь как частное лицо, не более. Нет у меня благословения выступать от имени всей церкви, скажи им это как-то попроще, да и пора переводить встречу в неофициальный формат».

Хозяева поняли намёк моментально, и, похоже, сами с облегчением вздохнули. Уже через пять минут на столе появилось мальтийское церковное вино, хлеб и сыр, и скоро встреча перестала быть томной.

За время пребывания Шапкина на Мальте мы объехали почти все крупные соборы и монастыри и осмотрели все святыни острова-государства в сопровождении специально выделенного архиепархией священника.

В один из вечеров по трапу вежливо постучали. На понтоне стоял незнакомый парень лет тридцати.

– Здравствуйте, вы Станислав?

– Да, а вы кто?

– Мы телевизионщики с Первого канала, снимаем тут сюжет про историю Мальты. Нам в консульстве сказали, что у вас гостит русский поп. Можно с ним поговорить?

– Сейчас спрошу.

Лёша моментально надел подрясник, напустил на физиономию благостное выражение и велел мне впустить гостя.

Явно неопытный репортёр, стесняясь и робея, поклонился и был вынужден приложиться к ручке, после чего принялся уговаривать Лёшу дать какое-нибудь интервью и попозировать на фоне мальтийских рыцарских храмов и строений, в надежде сляпать какой-нибудь сюжет. Лёша плотно улыбался. Акула шоу-бизнеса увидела жертву.

– Сын мой, побойся Бога, Батюшка на отдыхе, а ты его работать хочешь заставить. Нехорошо... Ты ведь и сам не знаешь, что снять хочешь, тебе моя ряса нужна на фоне архитектуры, а не я. Грех это, добра надо желать ближнему. Вот пришёл ты в гости к незнакомому попу, ни тебе уважения, ни тебе подношения, хоть бы бутылку принёс, что ли, куда катится молодёжь, обмельчали... – соловьём заливался Заслуженный артист республики.

Журналиста как ветром сдуло, и уже через пятнадцать минут я накрывал на стол.

– Давай ты ничего не будешь выдумывать и пыжиться, – продолжал Шапкин, – мы сами всё придумаем. Станислав – бывший режиссёр и редактор телевидения, я бывший Заслуженный Артист Республики, мы всё спродюсируем и снимем целую передачу, которую у тебя купит, если не твой канал, то НТВ точно. Авторство – твоё, оплатишь аренду яхты, сопутствующие расходы и укажешь в титрах. Гонорар нам не

нужен. Только слава. «Что слава? – Яркая заплатка на ветхом рубище певца», – остановить Лёшу уже было невозможно.

К утру сценарный план был готов, и разрешение канала на съёмки было получено.

– Скажи мне, Алексей, на что ты готов ради Господа нашего Иисуса? – издали повёл я серьёзный разговор.

– Глупый вопрос, батюшка, я жизнь свою ему посвящаю, а к чему это ты? – подозрительно прищурился Шапкин.

– Здесь, в паре миль от берега, на дне морском установлена большая статуя Христа, по типу как в Буэнос-Айресе, с раскинутыми руками. Восемь метров высотой, очень впечатляющая. Вода там идеально чистая, стоит на песке. Вообще, это одна из главных достопримечательностей Мальты. Сотни людей едут посмотреть на неё со всего мира... правда, это для дайверов, нырять надо...

– Ты нырял? С аквалангом?

– Да, много раз. Дух захватывает. Но, понимаешь, я-то пару лет учился, экзамены сдавал, у меня лицензия серьёзного дайвера есть, а ты, наверное, и с маской-то не плавал?

– Так. Погоди, а если снять паломничество русского попа и небольшой молебен, там, на дне морском... Да это будет бомба, старик, этого никто не делал! Давай, учи меня нырять, я согласен.

– Лёша, статуя стоит на сорокапятиметровой глубине. Это за пределом даже для опытного дайвера. Это очень опасно без подготовки.

– Если ты смог, и я смогу, с молитвой и верой, конечно.

– И не побоишься?

– Побоюсь, обязательно побоюсь, но искусство требует жертв, да и не уготовано мне сгинуть в пучине морской, я знаю. Как это всё организовать?

Хозяином дружественного дайв-центра был питерский бандит Женья. Конечно, бывший, от весёлых поездок на то-нированных «девятках», «стрелок, тёрок и наездов» осталась только «пацанская» лексика и незамутнённая интеллектом мечта стать кинорежиссёром. Правда, инструкторами были настоящие чемпионы мира по подводному плаванию Миша и Галя – профессионалы высшего класса.

– Жека, братан, базар есть. Хочешь снять офигенное кино, которое покажут по российскому телевидению?

– Чо? В натуре? Конкретно хочу, братан. Сколько бабок надо заслать?

– Вообще ничего. Халява. Да ещё твоё имя в титрах укажут и название дайв-центра засветим. Реклама на всю страну.

– Ты это... Где кинуть хочешь? Больно сладко поёшь. Не бывает таких подарков.

– Всё ровно, без косяков. Конечно, поработать мальчика придётся. Вон видишь, на лавочке паренёк сидит, мороженку трескает? Это мой друг, большой священник из России. Нужно организовать его погружение на «Христа». Он будет молиться там, ты снимать. Кино пойдёт на Первый канал.

– Да ты гонишь, чо, настоящий поп, реально? Наш, русский поп?

– У него и ряса в моей лодке висит, и крест для пуза натуральный.

– Охренеть! Слушай, а он нырял когда-нибудь?

– Нет, в том-то и дело. Но готов попробовать, страха нет, я с ним всё обсудил.

– А, может, он до кучи мою дочку покрестит? Уже три года, а попа у нас православного на острове нет, сам знаешь.

– Обсудим. Ты по теме давай базарь, в сторону не мути.

– Базара нет! Давай мне его сегодня до вечера, мы шас на мелководье его втроём обучим азам дайвинга, мои спецы и зайца нырять заставят. Если всё ровно будет, завтра на «Христа» и пойдём, я братву подтяну, на три камеры будем снимать, картинку сделаю – закачаешься. Человека четыре на страховку поставлю, ты пойдёшь?

– Конечно!

– Значит, пять. Замётано. Но про дочку спроси, братан, с меня поляна будет, без базара...

На следующий день всей толпой вышли на яхте к месту погружения. Телевизионщики снимали подготовку, писали интервью и всячески суетились. На дно был опущен толстый страховочный канат, по которому аккуратно два инструктора опустили Лёшу к самой статуе. Чтобы отличить паломника от остальных дайверов, ему на грудь скотчем закрепили его же наперсный крест. Я и другие страхующие держались

рядом, вне кадра, чтобы не портить величие момента. Когда Лёша был размещён на точке, перед лицом Христа, инструкторы также уплыли из кадра, оставив его одного. Женя поднял кулак, что означало команду «Мотор». Персонаж широко крестился. Вся съёмка продолжалась не больше десяти минут. Такая большая глубина требовала медленного подъёма и приличного времени «висения» под водой всеми участниками погружения для декомпрессии.

Вечером, отсмотрев черновой материал, «поляну» накрывали телевизионщики и бандит Женя, уломавший Иоасафа провести крещение.

– А скажи, батюшка Станислав, освящён ли челн твой парусный, нет ли страха, что Господь ввергнет его в пучину? – ёрничал подвыпивший поп.

– Да ладно тебе, зачем мне ещё это?

– Вот ты тупой, Стас, я всё равно крестины на лодке буду проводить, так сразу и освящу её. Два обряда за раз. И переодеваться лишний раз не надо, и мир расходовать. Снимем всё это, в передачу всё пойдёт.

– Да уж, из кадра тебя не выгонишь. Тщеславие есть грех?

– Ой, батюшка, грех, истинный грех. Но кто безгрешен? Только Бог наш. А мы рабы его грешные. Но, тут ведь такое дело, понимаешь: не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасёшься.

– Вот это да, философия у вас железная. Чувствуется вековой опыт демагогии.

– То-то же, бойся нас. За нами Истина и две тысячи лет практики.

Передача вышла через два месяца на НТВ и была шесть раз показана для зрителей России и на каналах иностранного вещания, и даже получила какой-то приз.

На следующий день после отъезда телевизионщиков бандит Женя снова заявился к нам на лодку.

– Уважаемый, новый базар есть. Пока ты бухал со своей телевизионной братвой, я с Батюшкой перетёр и добазарился венчание сделать, типа свадьбы, одним серьёзным людям. Ты не ссы, тебе тоже кусок отвалится хороший. Они венчаться будут на твоей яхте, потом нырять, в общем, большая программа. Жениха ещё в мальтийские рыцари принимать будут. Вы с попом во всём участвуете, как гости, кабаки там крутые заказаны и всё такое. Короче, бабки плачены, вы не в обиде. Люди прилетают завтра, на частном самолёте. Человек двадцать будет. Я это к чему, имей в виду, там люди, ну очень серьёзные, ты базар свой фильтруй, на всякий случай. Бережёного Бог бережёт.

– Жека, ты что своих бандюганов питерских подтянул? На хера?

– Да я просто хвастанул паре корешей, а они растрепали. Ну, быстро дошло до Шефа. Он меня набрал и... ему отказать – смерти подобно.

– Что и сам будет?

– В том-то и дело. А он ведь друг нашего нового...

– Какого «нового», кого ты имеешь в виду?

– Того самого. Приемника. Дела делали... Но лучше нам с тобой не обсуждать это, мы – обслуга, я дайвинг и кабаки организую, ты – яхту и попа. Бабок дадут по-царски.

Ситуация была неоднозначная: с одной стороны, было интересно посмотреть на повелителей криминального мира, с другой, в девяностых, я так насмотрелся на бандитов, что свербило сильное желание отказаться и перекинуть заказ другому яхтсмену.

– Лёша, ты хоть понял, что нам бандитов катать – венчать придётся? Может, на хрен, найдём повод отказаться, я могу лодку, типа, «сломать»?

– Ты можешь. А я вот не могу. Это работа моя. Перед Богом все равны – и бандиты, и артисты. Неужели ты думаешь подобное для меня впервые? Отнюдь. Где я только не был на требах, я ж в Питере живу, криминальной столице России. Я добрую половину братков отпевал, даже целыми бригадами, скопом. И крестил этих бугаев в спортивках, и венчал, и «мерсы» их святой водой брызгал. Да церкви нашей с них первый доход, это вам не свечки продавать. Хотя сам понимаешь, дело не в деньгах. Долг священника – призреть каждого страждущего. Перед тем как ввергнуть Иуду в геенну огненную, Господь простил его... Давай отработаем, не брошишь же ты меня?

Всё прошло без эксцессов, правда, такому обилию золотых крестов и толстенных золотых цепей мог позавидовать,

наверное, Вселенский собор, но «большие» бандиты вели себя вполне прилично, интеллигентно. Сам «Шеф» даже подошёл, поблагодарил обоих, на прощанье протянув левую руку. От похода в ресторан, на финальное празднование, мы с батюшкой уклонились.

С открытием прихода РПЦ на Мальте ничего не вышло. Видать, в высоких синодальных кругах Лёша поставил не на ту «лошадку» и, как положено, оказался крайним. По слухам его «заточили» в глухой карельский приход на «исправление».

Сдаётся мне, опять немного «пережал». Но, уверен, недалёк тот час, когда поп-звезда снова обязательно появится на небосклоне. Талант – он ведь от Бога.

Сейчас, по прошествии почти двадцати лет, многое стёрлось из памяти из мальтийского периода жизни, многое сгладилось. Изменились оценки событий, восприятие действительности. Опять же, стоит учесть, что времена тогда были более «вегетарианские», не было повальной цензуры в интернете, понятие «экстремизм» ещё не являлось расстрельной статьёй Уголовного кодекса, можно было писать и говорить то, что думаешь, не оглядываясь на идиотские правила толерантности и не боясь судебного преследования за выражение своего, пусть даже ошибочного, мнения.

И, рискуя навлечь на себя неминуемые обвинения в сек-

сизме, мачизме, ксенофобии и прочих новомодных «измах», позволю себе разместить здесь несколько текстов, написанных на Мальте в 2002 – 2004 годах, почти без правки, ну разве что уберу три матерных слова, чтобы издатель не вклеил на обложку этой книги громадный знак ограничения «18+», испортив дизайн, и её не пришлось запаивать в целлофан, охраняя эстетическую девственность российского читателя.

О друзьях

Давным-давно, в стародавние постперестроечные времена был у меня друг Эдик. И был он не последний человек в своём маленьком городишке. У городка был один, но большой недостаток. Назывался он – Ялта. А Эдик имел массу коллег и приятелей по всему Советскому Союзу. А те коллеги и приятели имели кучу родственников и своих приятелей, и посему, начиная с середины мая, славный парень Эдик был несчастнейшим человеком на территории шестой части света.

У Эдика было две (вообще намного больше) коронных фразы, кои мы, его друзья и коллеги, выучили наизусть.

Запись на личном автоответчике в офисе:

– Здравствуйте! Не стесняйтесь, сразу назовите сроки вашего пребывания в Крыму, какой пансионат вам заказать, время прибытия вашего самолета и другие просьбы. Не забудьте сообщить имя человека, давшего вам этот номер. Передайте, что я по нему соскучился.

И вторая.

Стандартный ответ на звонок мобильного, после фразы звонящего: «Здорово, старик. Как жизнь?»

– Сижу по яйца в море со стаканом вина в компании двух длинноногих блондинок. А чем я ещё могу заниматься, живя в Ялте?

Проезжая вашу станцию, с меня слетела шляпа.
Прошло 10 лет. И занёс меня Бог в курортное местечко.

И где же наши коллеги и приятели?

Основная фраза, при редких встречах и других электронных контактах: «Тебе-то хорошо там, тепло...»

Зовёшь в гости – вальяжно отвечают: «Ну, как-нибудь...»

Полгода ни ответа ни привета, потом упрек: «Что не зовёшь?»

– Дык, звал же...

– (с обидой) Не слишком настойчиво. Видеть, небось, не хочешь. Зажрался там...

Звонок от человека, пропавшего из видимости лет пять как:

– Старик, мы тут подумали, ты будешь рад побухать с нами пару недель.

– О, взяли тур, молодцы...

– Да, нет, зачем... у тебя же дом большой, наверное... самолёт в пятницу, встречай.

– Хм... а визы сделали?

– А надо? Ну подсуетись, ты там всё знаешь, сделай приглашение какое-нибудь.

Не получилось приехать – не так звал.

Приехали, всё время смотрят, широко ли ты улыбаешься, заставляют чувствовать тебя обязанным, что К ТЕБЕ приехали, и не дай Бог, что-то не то сказать...

Не смогли приехать – наезды на тему: «Не бравируй – ты должен биться в истерике, что нас с тобой нет». Требуют уверений в том, что тебе стыдно, намекают, что в следующем году будешь должен... Правда, сильно не нажимают, шЮтка, говорят, мы ж тебя любим...

Сезон закончился. Ни одного письма, звонка, месседжа. До следующего лета.

Пойду покупать автоответчик.

О мате

Для живущих за бугром мат – просто обязательное выражение былой причастности. Он сильно употребляем всеми, уже через 6–7 месяцев жизни в другой стране. Правда, мат становится очень мягким, конкретным и, ни в коем случае, не режет слух. По тому, кто как пользуется ненормативом, можно со стопроцентной уверенностью отделить «местного» русского от туриста. Турист использует мат неестественно громко, внятно, чаще всего бессмысленно и только в общественных местах. Он упивается своей свободой и совершенно идиотским убеждением, что его никто не понимает. А посему мат звучит вычурно, грязно и не несёт никакой эмоциональной окраски, что недопустимо для столь великих и необходимых терминов. Массу примеров тому может привести каждый выезжавший на отдых в другую страну.

Отчего так?

По моему скромному мнению, каждый турист, использующий громкий мат в общественном месте, кроме выражения своей пресловутой «свободы и независимости», втайне, всей душой, надеется, что в ту же минуту к нему подбежит, роняя булочки и пакеты с молоком, вопя «Ой, вы русские?», сопливый иммигрант и, заливаясь слезами, начнёт расспрашивать его: «НУ, КАК ТАМ...»

И тогда турист расскажет, упиваясь причастностью, о про-

блемах с ценами на нефть, дороговизне ЖКХ, о продажных депутатах и о своих миллионных заработках на ниве торговли никелем в Ивановской области. Чтоб понял, пархатый, что продал за кусок колбасы... Но этого никогда не происходит, и оттого он считает, что русских в радиусе действия его голоса нет. И тогда отдыхающий начинает материться. Громко.

А всего-навсего надо быть внимательней. Вот маленький тест для желающих.

Попробуйте произнести что-нибудь на великом и могучем, к примеру, в супермаркете, нет, не в Супер Бутике, там только соотечественники, а в продовольственном магазине, лежащем вдали от протоптанных туристических троп. И сразу посмотрите на реакцию окружающих. Абориген только шире и добродушнее улыбнётся непонимающей, дежурной улыбкой и погремит дальше своей телегой с кошачьим кормом. Но обязательно, повторюсь, обязательно вы заметите несколько лиц, с которых эта улыбка сползла и в глазах блеснула брезгливость. Это они – живущие здесь.

Далее в процессе прогулки по магазину они постараются держаться подальше от вас, чтобы, не дай Бог, не зацепить вас тележкой и не услышать родного мата, звучащего из широко улыбающегося (дань забугорью) рта.

Живущий же не считает, что он матерится. Использование ненормативной лексики отточено почти до совершенства. И полностью соответствует фразеологическим зако-

нам. Здесь не используют ханжеских терминов типа «трахаться, свистнул, чебурахнулся», будет звучать подлинный вариант, который вы все прекрасно знаете. И никто, даже приезжающие в гости родители, этого почти не замечают. Потому как сие естественно.

В любом языке мира есть не употребляемые в обществе слова. Пользуются же ими все. И далеко не всегда для ругани, чаще даже совсем наоборот, для более быстрого сближения людей, уничтожения ложной скромности и настройки на дружеский, откровенный лад.

Трактат о мальтийской любви

Самолёты у нас по пятницам. Иногда по средам. В них прилетают туристы. Парами и тройками, но чаще в одиночку. И в основном женского пола. Зачем женщина едет на курорт? Отдохнуть. Но понятие «отдых» у нас разнится. Отдых у них – вечный поиск. Мужика (ов). Обязательно с романтикой. С тонной романтики. С кучей красивых слов и ежеминутным признанием в вечной любви. И тут наши девушки следуют по правильному адресу. Мальтийцы – романтики все, как один. И о любви готовы говорить часами. Розовые сопли соотечественниц размазаны по всему мальтийскому аэропорту LUQA.

Как знакомятся.

Главное место – Интернет. Любая наша дурочка, мало-мальски тренькая по-английски, выпрыгивает из трусов от желания познакомиться с горячим мальтийским мачо. И затирает до дыр «Белые страницы ICQ», ставя в поиск только страну и пол. Даже семейное положение и невозможность разводов не останавливает местечковых красоток, грезящих о сладкой капиталистической вилле в окружении цветов и смуглых брюнетов.

В среднем за день в мой мессенджер колотятся шесть – восемь новых русскоязычных соискательниц, даже не удосужившихся почитать информацию. А зачем? Пол и страна

соответствуют требованиям. Первый шок от ответа на русском проходит секунд за тридцать. Далее стандартные вопросы про женатость и вид на жительство... Ладно, пример затянулся.

Через пару часов общения мальтийский мачо (далее ММ) робко говорит, что он:

а. Несчастлив в браке.

б. Не может найти на столь малом острове ту единственную и уже любит её. И готов. На всё.

Готов приехать в её Усть-Перепиздюйск прямо завтра. Потому что она и есть та единственная... Ну и у какой русской не распрямится химзавивка от этих слов? Да она их только в сериалах и слышала, и то обращённые к «той уродине, ни рожи ни жопы». Правда, делать визу в Россию далеко не просто, а посему соискательница решает: чем позориться двухкомнатной хрущобой и стаей вечно бухих поклонников, сохраняемых «для здоровья», займу денег, но слетаю сама, заодно и позагораю, сэкономив на отеле, еде и развлечениях. Уж вызов лезет из факса.

Есть второй вариант знакомства.

Это для не знающих язык (вот, я дура, говорила же мама...). Приехать «отдыхать». То есть решать проблему на месте. Благо центр ночной жизни Пачевилль работает без выходных. А там всё похоже на интернет. Час – два поиска (точнее выбора) и... слова любви (про неё они на всех языках понимают) заглушают мерзкие вопли англоязычной группы

«Тату».

Правда, в первую ночь наша амазонка не даёт, как правило, да и зачем? Отель с завтраком оплачен, тем более «Я не такая, ты у меня вообще второй будешь». Это произойдёт завтра, затягивать тоже нельзя, можно уехать, не отдохнув, да и денег мало на все эти ночные танцы -шманцы...

К отлёту слова любви звучат всё чаще, начинают проскакивать намёки о семейных ценностях и попытки знакомства с мамой. Всё! Наша героиня испеклась. Такой красоты она не видела, не слышала и гарантированно никогда не услышит в своих сибирских лесах. Она улетает увольняться с работы, менять гардероб на тропический и учить язык. Она всё решила: он её любит, она – как кошка. Есть, правда, некоторые сомнения, и на мачо он не очень тянет, но членство в Евросоюзе перевешивает. Тем более, у него собственный дом и яхта... И тут мы плавно подошли к важной теме:

Мальтийские мужички

С фактурой – сложно. Мелковаты. Порода такая. Метр семьдесят – максимум. Конечно, встречаются... но это не мальтийцы. Вида в молодости пидерастичного (волосики мажут гелем, прокалывают губки и вроде даже подкрашиваются), среднего у них нет, в зрелости – толсты (в меру), шумны и неопрятны. Но для мужика красота – не главное. Проблема в характере. Это жуткое слово – ментальность.

Известно, что Мальта – страна матриархата. Семья – в ос-

нове религии и государства. Мужчины работают, а женщины рожают и воспитывают. Много. И не работают. И они главные. Потому что они толстые и сисястые, а мужички чахлые и безвольные. Именно безвольные. Воспитание женское.

И вот это и есть проблема с большой буквы Пэ. Они не принимают решений, они могут только говорить красивые слова, всё остальное решает мама и её родственницы-подружки.

Они умеют плакать, вещать о вечных проблемах с деньгами и о том, что их никто не любит. Правда, к чести сказать, наших дурочек они научились легко охмурять, но об этом позже.

Работать они, конечно, могут и будут, об этом позаботится семья. Почти не пьют. Скупы до жадности. Расчётливы до мелочности. Ну и девиз «Не обманешь – не проживёшь», как на всех курортах, превалирует. Традиции прочны. И их много, и далеко не все нам подходят.

Перспективы

Недавно познакомился с очередной «невестой» (имя им – легион). За тридцать пятый год, живёт на тур. визе, ММ как-то продлевает. Сидит годами в деревне, ни с кем, кроме его матушки и толпы родственников, не встречается, выходить одной он не разрешает (понимает, блядь есть блядь, сразу к своим побежит), замуж... что они дураки, что ли, брак – дело серьёзное. Чтобы выпить пива и потрещать по-русски,

ждёт по полгода отъезда любимого в командировку.

Другой удалось женить, но в браке более 2 лет не выдержала. «Замучил своим нытьём, – говорит. – Не могу, на мужика не похож. Про любовь талдычит сутками, а чтоб вылюбить по-нормальному, или кулаком по столу – не может».

Третья, тоже замужем, решила проблему по-нашему. По-тихому трахается с русскими. И говорит мужу, что любит...

Это позитивные примеры. Их немного. А вот стандартный.

Побоялась наша героиня ехать сразу и навсегда в чужую страну с другой культурой. Решила поездить туда-сюда, пожить, присмотреться. Он встречает с громадным букетом, рассыпается в любовной лирике. Водит в фаст-фуд, катает на мальтийском автобусе. Правда, бриллианты не дарит, и яхта оказывается надувной лодкой, дом записан на маму, и знакомиться она не очень хочет, ну, только если года через четыре...

И ещё это проклятое правительство не хочет продлевать визу (читай – он). Надо улететь на месяц, а он пока всё уладит. Может, когда-то эта дура и догонит, что у него таких невест три или четыре. Надо всем уделить внимание. Тем более на халяву. Летают сами, дают легко и уезжают без скандала – визу, мол, суки, не продлили. Мечта любого мужика. Кстати, и работает он на стройке, и про Россию знает только, что там есть Сибирь и Горбачёв, потому что тот был здесь. Верх интеллекта – американское кино. И что с того, что у

тебя два высших? Да здесь доктора наук посуду ночами моют, если повезёт... Ну и даже если женится (один из ста), гражданства – хрен дадут, причин найдут много. Сама пять лет не выдержит.

Только вот надежды на возвращение быстро придётся оставить. Уже через год вы никому на хрен не нужны, ну, может, кроме родителей, да и что подруги скажут (а нашим это важно): «Не смогла удержаться, ворона, выгнали... и т. п.». Нет, отсюда не возвращаются, только по рукам. Я в хорошем смысле. Опять Пачевиль, опять поиск... Невелика проблема. Жильё у них есть, а прокормить вечно хUDEЮЩУЮ бабёнку несложно. Продукты копеечные, да и отработает.

Бытует мнение, что наши проститутки заполонили весь мир. И это правда. Много их. Но, на мой взгляд, они честнее. Они зарабатывают деньги и уезжают. Это работа.

Одна сорокалетняя красотка (кстати, вообще речь идёт о дамах всех возрастов), отдыхая недельку на майские, стандартно «влюбилась» в очередного «принца» и начала завоевание острова. «Принц», правда, занят. Такой же, только украинской национальности. Сейчас ищет адвоката, который поможет депортировать соперницу (естественно, нелегалку) и занять её место, заодно прихватив с собой престарелую маму и двадцатилетнего сыночка. Думаю, ММ уже остатки волос выдрал, поняв, куда вляпался. Наши методы построения семейного счастья вводят их в длительный шок. И как они должны относиться? Считать, что таких «русских»

единицы? Фигушки! Каждая! За таким редким исключением, что только знаешь, что оно должно быть, но никто пока не видел.

Всеобъемлющего понятия «блядь» нет ни в одном языке. И, наверное, не надо даже пытаться объяснить это европейцу. Невозможно. Это наше всё!

Не хочется останавливаться на замусоленных утверждениях, что тут не найти работы, проблемы с легализацией, что придётся сидеть и слушать годами незнакомую речь (не надейтесь, что в своей семье они будут говорить на чужом им английском). Смысла нет. Не верят. Считают, что они избраны и особо одаренные. Приедут и всех охмурят своей красотой и русским борщом.

И почему-то их не жалко. Хотя, конечно, грустно смотреть на этих Изаур. Но сами выбирали...

Есть у меня ещё одна знакомка, красивая, сильная, удачливая мать и жена, состоявшаяся на работе. Она приезжает сюда 2–3 раза в год к своему сопливому ММ и неделю слушает его вопли про любовь. И улетает счастливая и отдохнувшая. На предложение ММ – замуж и переехать, отвечает по-русски: «Что я – долбанутая?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.